

## Глава 30. Тяжёлые шаги

Сын министра Не, Не Тинфэн, почитал за лучшее проводить дни в злочных кварталах, отчего знаний за душой у него имелось даже меньше, чем у Е Шуанчэна. Разумеется, поднявшись со своего места, он лишь беспомощно мялся и бормотал что-то невнятное, так и не сумев выдать ни одного вразумительного слова.

По правде говоря, сам Шуанчэн знал ответ ничуть не лучше, но, глядя на то, как потеет и теряется спесивый Не Тинфэн, он не выдержал и тихонько прыснул в кулак.

Великий наставник Ма одарил юношу пренебрежительным взглядом — на лице его явственно читалось разочарование: «безнадёжный лоботряс» — и тут же велел подняться одному из принцев.

Взглянув налево, Шуанчэн увидел поднявшегося с места юношу. Тот был весьма недурен собой, а в изгибе его бровей сквозила надменность, выдававшая одарённого, но знающего себе цену пятого принца, Ли Цзю.

Ещё пару минут назад этот Цзю откровенно клевал носом, однако, как выяснилось, в его умной голове знаний хватало с избытком. На любой вопрос наставника принц отвечал бойко и складно, чем сразу заслужил восхищённые взгляды остальных учеников.

Великий наставник довольно улыбнулся.

— «Деяния благородного мужа свершаются в покое, дабы взрастить дух, и в умеренности, дабы укрепить добродетель», — процитировал Ма. — Известен ли вам источник сей мудрости, Ваше Высочество?

Вопрос застал Ли Цзю врасплох. Он растерянно оглянулся на соучеников, надеясь на подсказку, но те лишь прятали глаза. Заметив его замешательство, Шуанчэн тихонько откашлялся и едва слышно шепнул:

— «Наставление сыну».

Принц ухватился за подсказку как за спасительную соломинку и уверенно произнёс:

— Смею предположить, это из «Наставления сыну»?

— Прекрасно! — расплылся в улыбке великий наставник.

Рассыпавшись в похвалах, старик не упустил случая прочесть остальным пространную нотацию о пользе прилежания и вреде праздности.

С облегчением опустившись на своё место, Ли Цзюю искоса, с явным недоумением оглядел пришедшего ему на помощь соседа.

Шуанчэн лишь безразлично пожал плечами. Книжной премудростью он никогда не блистал, но строчки из «Наставления сыну» въелись в его память намертво — и благодарить за это следовало исключительно строгость Е Чжэня.

Задумавшись, он упустил нить разговора, и это мгновенно привлекло внимание бдительного преподавателя.

— А теперь вы, — раздался строгий голос наставника.

Старик смерил его оценивающим взглядом и нахмурился:

— Не припомню вашего лица. Представьтесь.

— Е Шуанчэн, — спокойно отозвался юноша.

При этих словах наставник Ма заметно опешил, а по классу пронёсся тихий шёпот — соученики с любопытством уставились на него. Сам Шуанчэн лишь недоумённо повёл плечом, гадая, с каких это пор его скромная персона пользуется такой известностью.

— Младший брат главы кабинета, господина Е Чжэня? — переспросил удивлённый старец.

— Он самый, — кивнул юноша.

Наставник тут же перестал хмуриться и благодушно улыбнулся.

— Что ж, раз вы брат самого Главного кабинета, то наверняка унаследовали его блистательный слог и глубокий ум. Не соблаговолите ли сложить для нас изящное стихотворение, дабы мы могли насладиться вашим словом?

— Да запросто! — ухмыльнулся Шуанчэн и, взяв короткую паузу, с выражением задекламировал:

Красавица столичная зовётся девой Цинь Сан,

Ликом свежа, милей цветов, стройна, как тонкий стан.

Чтоб вызвать на её устах улыбки дивный след,

Не жалко золота мешок швырнуть к её ногам.

Тонка талией, нежна рукой, бела, как белый нефрит,

Лишь глянет кротко на тебя — и разум твой разбит.

Пока бедняк упрямо прёт дорогой чинных служб,

Не ведает глупец, где лучший дом для нежных душ!

Стоило прозвучать последней строчке, как сидевшие в зале юноши густо покраснели. Кое-кто принялся смущённо толкать соседей локтями, прячая улыбки и обмениваясь шутливыми смешками.

Великий наставник Ма помрачнел от гнева. Решив, что наглый юнец попросту издевается над ним и пытается сорвать урок, старик с силой хлопнул ладонью по столу:

— Тихо! Тишина в классе!

Дождавшись, пока испуганный ропот утихнет, он ледяным тоном спросил:

— И вы читали это с полной серьёзностью?

Шуанчэн невозмутимо кивнул, показывая, что вложил в эти строки всю душу.

Старого наставника едва не хватил удар. Он в гневе заметался по помосту, тяжело дыша, после чего резко взмахнул широким рукавом халата и, не проронив ни слова, стремительно покинул класс.

Выросший в строгих дворцовых покоях Ли Цзэю отродясь не слыхивал подобных легкомысленных виршей. Нахмурившись, он вполголоса процедил:

— Что за срам ты сейчас нёс? Опомнись, мы в императорском дворце! Жизнь надоела?

Шуанчэн удивлённо округлил глаза, разыгрывая испуг:

— Ой, да ладно тебе. Всего лишь пара рифм. Неужто за это у вас тут казнят?

Сидевший неподалёку принц весело хлопнул в ладоши и рассмеялся:

— Полно тебе, братец, не пугай его. Из-за одного стишка на плаху не отправят.

— Вот именно, — поддакнул ему отпрыск одного из знатных родов. — Слог у Шуанчэна живой, так и так. Кстати... а кто такая эта Цинь Сан?

— Тоже мне, ценители прекрасного! — раздался презрительный смешок. — Обыкновенная пошлятина. Бесстыдство и грязь!

Говорившим оказался Не Тинфэн. Предыдущий заступник тут же ехидно парировал:

— Чья бы корова мычала, Тинфэн! Сам только что стоял бревном и двух слов связать не мог, а теперь рассуждаешь о высоком искусстве?

В спор лениво вклинился Цзи Минхуай:

— Да уж. Если мне не изменяет память, господин Не почитается едва ли не главным завсегдатаем весёлых кварталов. Что же ты вдруг заделался поборником нравственности? Раньше-то о чём думал?

Не Тинфэн побагровел, он вскочил и закричал:

— Клевета! Да я... я и порога подобных заведений не переступал! А вот Е Шуанчэн там буквально прописался!

Почувствовав, что беседа уходит не в то русло, Шуанчэн решил вмешаться:

— Господа, не будьте столь узколобыми ханжами. С каких это пор воспевание женской красоты стало преступлением? Испокон веков величайшие поэты черпали вдохновение именно в подобных обителях. Да и среди дев весёлых кварталов немало тех, кто чист душой и одарён талантами. Вспомните хотя бы непоколебимую Су Сяосяо или трагическую судьбу Ли Шиши, которая предпочла смерть бесчестью. Обе они во сто крат благороднее иных столичных хлыщей, способных лишь кулаками перед женщинами махать.

— Е Шуанчэн! — взвился оскорблённый Не Тинфэн. — На кого это ты намекаешь?!

Шуанчэн лишь беззаботно пожал плечами:

— Никаких намёков, Тинфэн. Я говорю прямо и глядя тебе в лицо.

— Ах ты... да как ты смеешь! — задыхаясь от злости, Не Тинфэн сжал кулаки. Ему до смерти хотелось проучить наглеца, но, вовремя вспомнив о недюжинной физической силе соперника,

он лишь ядовито ухмыльнулся: — Радуйся, радуйся, Шуанчэн. Только чему ты завидуешь? Мой отец всего лишь упомянул твоё имя перед Его Величеством, предложив сделать тебя соучеником-сопровождающим принцев. А твой дражайший братец Е Чжэнь тут же подсуетился и притащил в этот ад меня! Воистину, коварству Главы кабинета нет предела. Избить человека из свиты Старшей принцессы и выйти сухим из воды — браво, что тут скажешь.

Шуанчэн нахмурился. Вот оно что! Значит, Е Чжэнь вовсе не собирался отсылать его во дворец — это старый лис, министр Не, подложил ему такую свинью!

От злости у Шуанчэна зачесались зубы. Мысль о том, что его насильно лишили свободы из-за чужих интриг, приводила его в бешенство. Однако, осознав, как ловко Е Чжэнь отплатил министру, утянув вслед за ним и его сына, Шуанчэн повеселел. Гордость за старшего брата переполнила его душу. Он расплылся в довольной улыбке, обнажив острый клык:

— Что ж, поделом тебе. Будешь знать, как совать нос в чужие дела.

— Тьфу на тебя! — огрызнулся Не Тинфэн.

— Будет вам, — прервал их препирательства пятый принц Ли Цзэю. — Из-за пустякового спора развели базар. — Он замолчал, о чём-то задумавшись, а затем строго обвёл взглядом присутствующих: — И учтите: всё, что произошло здесь сегодня, не должно покинуть этих стен. Если до меня дойдут слухи, что кто-то распускает язык, пеняйте на себя. Спрошу с каждого.

Юноши поспешно закивали, признавая его авторитет. Даже заносчивый Не Тинфэн предпочёл благоразумно промолчать.

Шуанчэн лишь мысленно хмыкнул, не придав угрозам принца особого значения. В этот момент Ли Цзэю незаметно придвинулся ближе и тихо шепнул ему на ухо:

— Будем считать, я вернул тебе долг за подсказку. Но вот как на твою выходку отреагирует наставник Ма — бог весть. Так что уповай на милость предков.

— Понял, спасибо, — кивнул Шуанчэн, но тут же озадаченно моргнул: — Погоди, а почему я должен уповать на милость предков?

Договорить они не успели — стоявший у дверей служка-евнух звонко возвестил:

— Господин Е Чжэнь пожаловал!

Класс мгновенно притих, ученики торопливо расселись по местам. У Шуанчэна от страха перехватило дыхание, а по спине пробежал ледяной озноб. Медленно, словно неживой, он повернул голову и замер.

По коридору, шурша шёлковыми полами парадного чиновничьего одеяния, неторопливой, исполненной достоинства походкой приближался его старший брат Е Чжэнь.

И только в это мгновение до Шуанчэна наконец дошёл истинный смысл предостережения принца и утреннего замешательства соучеников.

Е Чжэнь пришёл, чтобы вести у них занятия!

Сердце у Шуанчэна ушло в пятки. Он сидел тише воды, ниже травы, боясь даже вздохнуть и не смея поднять глаза на брата.

Е Чжэнь степенно поднялся на кафедру. Спокойный, величественный, он излучал такую непреклонную силу и властность, что по сравнению с ним наставник Ма казался безобидным стариком. В зале воцарилась мёртвая тишина — никто из высокородных бездельников не смел даже шелохнуться.

Весь урок Шуанчэн просидел как на иголках, вздрагивая от каждого шороха. Е Чжэнь задал несколько каверзных вопросов, на которые принцы и знатные отпрыски отвечали с величайшей почтительностью и тщанием.

Стоило объявлению об окончании занятий прозвучать, как к Шуанчэну подскочили несколько соучеников. Утянув его в неприметный угол и смущённо переминаясь с ноги на ногу, один из них заговорщицки спросил:

— Послушай, Шуанчэн... а эта дева Цинь Сан и впрямь так хороша собой, как ты читал?

Заметив, что неподалёку остановился Е Чжэнь и явно ждёт его, Шуанчэн поспешил отделаться от любопытных:

— Красива, красива, глаз не оторвать. Истинное сокровище Поднебесной, уверяю вас.

— Ох, надо будет непременно навеститься при случае! — загорелся один из юношей.

— И меня возьмите! Я с вами!

— Чур, я тоже иду! Договорились, вместе пойдём!

Проходивший мимо Ли Цзэю затормозил шаг и смерил Шуанчэна долгим, трудночитаемым взглядом, после чего безмолвно удалился.

Недоумённо почесав кончик носа, Шуанчэн вяло отшутился от приятелей и поспешил к

ожидавшему его Е Чжэню.

По всей видимости, до Е Чжэня слухи о поэтическом дебюте младшего брата дойти ещё не успели. Старший брат выглядел умиротворённым и встретил его мягкой улыбкой:

— Ну как? Обживаешься понемногу?

Шуанчэн усердно закивал, стараясь не выказывать тревоги, и покорно зашагал вслед за ним к выходу из императорской резиденции.

На протяжении всего пути до дома Шуанчэн шёл понурившись, не проронив ни слова. Такое несвойственное младшему брату поведение заставило Е Чжэня насторожиться.

— Что стряслось, Шуанчэн? Тебя что-то тревожит?

Тот лишь покачал головой и ещё сильнее прикусил губу.

Е Чжэнь нахмурился, чувствуя неладное, но давить на брата не стал. Вместо этого он мягко произнёс:

— Шуанчэн, я твой старший брат. Если у тебя на душе тяжело, поделись со мной. Какая бы беда ни случилась, мы со всем разберёмся вместе. — Он на мгновение умолк, после чего добавил уже более строгим тоном: — И если ты успел натворить глупостей, не пытайся это скрыть. Шила в мешке не утаишь, а узнать правду для меня — дело нескольких минут.

Эти слова подействовали на Шуанчэна как ушат ледяной воды. Поняв, что отпираться бессмысленно, а чистосердечное признание всё же лучше, чем неминуемый нагоняй после жалобы наставника Ма, он решил сдаться на милость победителя.

Шмыгая носом и кривясь от жалости к самому себе, юноша выложил всё как на духу, не утаив и позорных стишков. К концу своего покаяния он едва не утыкался носом в собственные колени.

— Брат, ну ты же меня знаешь, — жалобно заканючил он, преданно заглядывая Е Чжэню в глаза. — Я ведь не со зла, язык мой — враг мой, с детства такой. Сразу исправиться никак не получается. Обещаю, это был последний раз! Я больше ни единого глупого слова не скажу, честное слово!